

ЛАВ-БОМБИНГ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

10 месяцев на чужом языке

КИРА ПРИЗРАК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Призрак

**ЛАВ-БОМБИНГ
ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ
(10 месяцев на чужом языке)**

«Автор»

2026

Призрак К.

ЛАВ-БОМБИНГ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ (10 месяцев на чужом языке) / К. Призрак — «Автор», 2026

Моя жизнь была правильной и до боли рутинной: семья, быт и работа в парфюмерной сети, где я растворялась, помогая другим находить их идеальные ароматы. Ночью, когда дом засыпал, моим единственным личным пространством становился холодный экран смартфона. Одно уведомление перевернуло все. Ким Тэ Ун выглядел как ожившая мечта: безусловно красивый кореец, одинокий отец, отчаянно борющийся за счастье дочери на другом конце света. Моя эмпатия вспыхнула мгновенно. Пытаясь разобраться в его запутанной драме, я вела себя как следователь — и не замечала, что этот изощенный кукловод только и ждал моих вопросов. Шаг за шагом я вручала мошеннику подробную карту собственной души. И он начал бить по ней без промаха. Как капкан из чужой боли, корейских традиций и американской безысходности захлопнулся на моей шее? Это история о психологическом насилии и лав-бомбинге замедленного действия, который полностью стирает прежнюю личность. 10 месяцев на чужом языке, которые изменили меня навсегда.

© Призрак К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Кира Призрак

ЛАВ-БОМБИНГ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ (10 месяцев на чужом языке)

Глава 1

Глава 1. Уведомление в ночи

Всё началось со случайного уведомления в Тиктоке. На экране смартфона высветилась фраза на английском. В тот момент я не смогла разобрать в ней ни единого слова.

Моя жизнь тогда была максимально правильной, устоявшейся и... до боли рутинной. Дни тянулись один за другим — серые, монотонные, неотличимые друг от друга. Рядом были близкие люди, привычный быт и бесконечные домашние дела, в которых я постепенно растворялась, теряя саму себя. Единственным временем для одиночества стала ночь.

Когда в доме наконец-то все засыпали и наступала долгожданная тишина, я включала телефон, чтобы просто бездумно листать ленту и выдохнуть. Если бы мне тогда сказали, что ради этого абсолютного незнакомца я буду ночами учить чужой язык, судорожно стирать историю переписок в Ватсапе и полностью перепишу свою жизнь, я бы рассмеялась в лицо.

Но в ту ночь я просто скопировала его текст в Google-переводчик.

Ответ оказался банальным приветствием. И всё же из чистого любопытства я зашла в его профиль. С экрана на меня смотрел Ким Тэ Ун. На его видео не было фальшивого пафоса — передо мной предстал невероятно красивый, ухоженный мужчина с потрясающим спортивным телом. Настоящая ожившая мечта. Но удивило меня другое: при всей своей яркой, модельной внешности он оказался поразительно земным. Он разговаривал открыто, без тени звездной болезни, и именно этот контраст безупречной красоты и искренней простоты стал для меня главным крючком.

Поначалу сообщения приходили раз в два дня, словно он боялся быть навязчивым. Но постепенно они стали ежедневными. Мой ночной ритуал с переводчиком быстро превратился в настоящую зависимость: я ловила себя на мысли, что весь день жду, когда в доме наконец-то все уснут, чтобы увидеть весточку от парня с другого конца света.

А затем он предложил уйти из Тиктока.

Он написал про LINE — популярный в Азии мессенджер, утверждая, что там общаться намного удобнее. Но когда я ввела название в Google Play, на экране загорелась системная надпись: *«Недоступно в вашем регионе»*. Моя внутренняя система безопасности сработала сама собой — это был первый, еще едва уловимый тревожный звоночек.

Тогда он прямо попросил мой WhatsApp. Но я ответила твердым отказом. Я не собиралась так легко пускать незнакомца в личную жизнь и давать ему свой номер телефона. На этом наше общение прервалось.

Прошло три дня. Все это время я жила привычной рутинной, занималась домом и думала, что эта странная интернет-история закончилась сама собой. Но на третьи сутки ночью телефон снова ожил в темноте. Он вернулся сам.

На экране высветилось: *«Привет снова, как дела?»* Увидев его настойчивость, я решила сделать шаг навстречу. Но сделала его исключительно на своих условиях. Я ответила: *«Ладно, пришли свой номер. Я добавлю тебя сама, когда появится время»*.

Он послушно прислал цифры. Я выдержала паузу, демонстративно подождала подходящего момента и только потом открыла мессенджер.

Мне казалось, что я полностью контролирую ситуацию, веду в этой игре и диктую свои правила. На самом же деле я послушно сделала первый шаг вглубь его изощренной ловушки. Я сама написала на номер, который он мне оставил — сделала то, чего он так терпеливо ждал. Я добровольно впустила его туда, где теперь он мог достать меня в любую минуту дня и ночи.

Глава 2

Глава 2. Капкан из жалости

Его ответ заставил меня на секунду оцепенеть. Он написал, что женат и у него растет восьмилетняя дочь. Внутри сразу что-то щелкнуло: чужие границы нарушать нельзя. Это мое жесткое правило. Собрав всю свою вежливость, я ответила через переводчик, что искренне рада за его семью. И добавила, что у него, должно быть, очень красивая жена и милая дочка.

На этом диалог оборвался. Он ничего не ответил.

Наступила тишина. За следующие два дня я мысленно поставила окончательную точку в нашей короткой ночной сказке и покорно вернулась к привычной рутине. Но профессиональные манипуляторы не уходят просто так — они лишь выдерживают паузу.

На третьи сутки он снова ворвался в мой WhatsApp. Извинился, сослался на дикую занятость, а затем сбросил вторую часть своей эмоциональной бомбы:

«В данный момент идет бракоразводный процесс. Моя жена сама предложила расторгнуть брак».

Мое сердце дрогнуло. Картинка в голове мгновенно перевернулась: он не обманщик, он — одинокий, раненый отец. Мне стало по-человечески его жаль. Забыв обо всей своей осторожности, я послушно пошла по его сценарию и задала наводящий вопрос: *«Мне так жаль... Но почему она приняла такое решение?»*

Ответ пришел не сразу. Но когда переводчик выдал мне русский текст, у меня перехватило дыхание. Это была не просто история семейной драмы — передо мной разворачивался готовый сценарий для тяжелого фильма.

Он написал, что их брак полностью разрушен. Но самое главное — его восьмилетняя дочь осталась с ним. Он был так зол на бывшую жену, так опустошен её поступками, что принял радикальное решение: забрал девочку и уехал с ней на другой конец света, в Америку.

«Наш судебный процесс и развод всё еще идут, это очень тяжело», — переводил мне бесстрастный экран смартфона фразы на английском.

В эту самую секунду моя бдительность окончательно уснула. Из недостижимого красавца из Тиктока он мгновенно превратился в благородного отца-одиночку, который в чужой стране отчаянно борется за счастье своего ребенка. Любая женщина прониклась бы к нему глубоким уважением и сочувствием. Мне до боли захотелось поддержать его, согреть хотя бы теплым словом.

Я и подумать не могла, что эта «американская драма» — лишь безупречно просчитанный сценарий, созданный для одной цели: чтобы я сама, своими руками, открыла ему душу.

В этот момент во мне проснулся мощный внутренний протест. В нашей культуре так не принято. У нас детей почти всегда оставляют с матерью, и разлука ребенка с мамой — это крайняя, шокирующая мера. Меня мгновенно закрутил вихрь тревоги за эту чужую маленькую девочку. Забыв о романтике, я буквально засыпала его вопросами через переводчик. Спрашивает ли дочка про маму? Как она адаптируется в другой стране? Что он вообще собирается делать дальше и почему принял такое жесткое решение — лишить ребенка матери?

Меня волновало абсолютно всё. Моё сердце не могло успокоиться, пока я не пойму изнанку этой драмы. Я вела себя как следователь, пытающийся докопаться до правды. Но я не знала, что этот изоциренный манипулятор только и ждал моих вопросов. Моя искренняя, быющая через край эмпатия стала для него идеальным ключом, чтобы окончательно вскрыть мою защиту.

На все мои испуганные расспросы о девочке он ответил одной-единственной фразой, которая ввела меня в ступор:

«В моей стране это считается абсолютной нормой, когда после развода дети остаются с отцом».

Мой здравый смысл и менталитет яростно протестовали. Я не выдержала и спросила прямо, наотмашь: *«И где же существует такая норма?»*

«В Корее», — лаконично ответил он.

Этот короткий ответ застал меня врасплох. Против чужих национальных устоев и законов другой страны у меня просто не было аргументов. Я ведь ничего не знала о корейских семейных традициях. Мои подозрения снова утихли, уступив место культурному шоку. Ловушка захлопнулась: я не просто поверила в его легенду, я покорно приняла его правила игры и его загадочный, далекий мир.

«Я очень сильно устал», — перевел мне экран его новое сообщение. — *«Мне нужно работать, чтобы обеспечивать нас, но я разрываюсь. Я отчаянно пытаюсь найти решение, с кем и где оставить дочку, пока я на работе. Но в этой стране я совсем один...»*

В этот момент все мои барьеры окончательно рухнули. Из подозрительного иностранца из интернета он превратился в загнанного в угол, измученного отца, который в одиночку тянет ребенка на другом конце света. Моя эмпатия вспыхнула с новой силой. Мне до боли захотелось его поддержать, сказать, что он со всем справится, что он сильный. Забыв о всякой осторожности, я сама протянула ему руку, окружив незнакомца ответным теплом и заботой.

Я и не заметила, как этот капкан из чужой боли, корейских традиций и американской безысходности намертво захлопнулся на моей шее. Захлопнулся на долгие, мучительные десять месяцев...

Глава 3

Глава 3. Элис.

Ноябрь принес с собой новые ночные разговоры, которые окончательно лишили меня покоя. Я наивно полагала, что самое страшное в его истории уже позади. Но однажды экран смартфона выдал мне фразу, от которой я буквально онемела, почувствовав, как внутри закипает глухая ярость. Он буднично, между делом написал, что отчаянно ищет для своей дочери школу с постоянным проживанием. По его словам, так будет лучше для всех: ему нужно срочно возвращаться к работе, а сидеть с девочкой в чужой стране некому. В этот момент я просто оцепенела от непонимания и ужаса. «Ты хочешь отдать её в интернат?!» — судорожно вбивала я буквы, почти не видя экрана из-за подступивших слез. — «Ребенку будет лучше с мамой! Мама точно позаботится о ней!» Мои пальцы дрожали от злости. Я не могла взять в толк, как можно так хладнокровно ломать психику собственного ребенка. В порыве эмоций я даже начала убеждать его, что им нужно помириться с женой — всё что угодно, лишь бы не травмировать маленькую Элис этой американской ссылкой в глухой интернат. Эта ночь перевернула всё. Я окончательно потеряла сон. Ходила по дому сама не своя, а в голове набатом стучала одна-единственная мысль: чужой ребенок в беде. Моя вселенная сузилась до размеров светящегося дисплея. Меня парализовал страх за эту девочку, и во мне с невиданной силой вспыхнуло отчаянное, непреодолимое желание им помочь...

Я и не подозревала, что моя ярость и слепое желание спасти ребенка — это именно то топливо, на котором изощренный кукловод планировал везти меня дальше. Мой гнев и требования вернуть Элис матери разбились о фразу, от которой у меня перехватило дыхание.

Экран переводчика вспыхнул словами: *«Ты такая добрая и милая... Я бы очень хотел, чтобы у моей дочери была именно такая мама»*.

Сердце пропустило удар. Прежде чем я успела осознать масштаб этих слов, прилетело следующее сообщение: *«Хочешь увидеть её?»*. И следом загрузилась фотография.

Божечки, с экрана на меня смотрела очаровательная маленькая девочка. На ней было красивое красно-бордовое платье, а темные волосы были завязаны в аккуратные хвостики. Она улыбалась такой чистой, детской улыбкой и была невероятно похожа на него — настоящая маленькая кореянка.

«Её зовут Элис», — добавил он.

Глядя на это фото в холодном ноябре, я поймала себя на мысли, как стремительно всё изменилось. А ведь всё началось совсем недавно, в середине октября.

Я помню, как наконец выкроила время среди домашних дел, зашла в WhatsApp и отправила ему то самое первое сообщение: *«Привет, а вот и я»*.

Ответ не заставил себя ждать. Но вместо бурных признаний или пафоса, которых можно было бы ожидать от мужчины с модельной внешностью, он окружил меня поразительным,

почти домашним теплом. Его сообщения прилетали одно за другим. Он искренне интересовался, как моё настроение, как я себя чувствую, кем я работаю и чем занимаюсь в течение дня.

Это было так просто — и одновременно так дефицитно в моей повседневной рутине. Человек на другом конце планеты ловил каждое моё слово, переведенное через Google. Его вопросы создавали идеальную иллюзию: я в полной безопасности, а рядом со мной — самый заботливый и внимательный мужчина на свете. Я и не замечала, как этот мягкий интерес медленно превращался в удавку.

Поначалу я отвечала ему легко, без особых волнений и не чувствуя никакого принуждения. Наше общение текло так гладко, словно мы были знакомы всю жизнь. Но примерно после восьми дней такого ежедневного теплого диалога мой здравый смысл наконец подал голос. Я поймала себя на мысли: почему такой вежливый, заботливый и чертовски красивый парень до сих пор один? В чём подвох?

И я решила спросить напрямую. Собрав в переводчике нужные английские слова, я отправила сообщение: был ли он когда-нибудь женат и есть ли у него дети? Я замерла в ожидании ответа, готовая к любому повороту.

И вот тогда началась настоящая драма. Тот его ответ превратился в пронзительный, полный боли монолог. Из безупречного красавца с обложки он в одну секунду превратился в раненого, глубоко несчастного человека, который доверил мне свою главную тайну и заманил в ловушку «американской ссылки».

И теперь, в холодном ноябре, эта драма наконец обрела лицо.

Получив снимок, я поняла: Элис перестала быть для меня просто строчкой в переписке. Она стала реальной. Эта маленькая улыбающаяся девочка в бордовом платье мгновенно украла мое сердце. Мне до слез хотелось обнять её, защитить от всего мира и от этого холодного интернета.

Забыв о себе, я буквально засыпала его вопросами через переводчик. Я писала, какая она милая, как поразительно похожа на своего отца, и расспрашивала обо всем на свете: что Элис любит кушать? Во что она играет? Какое у нее любимое занятие?

И самый болезненный вопрос, который не давал мне покоя: спрашивает ли эта кроха про свою маму?

Мне хотелось знать каждую мелочь, чтобы хоть как-то мысленно её уберечь. Я смотрела на фото и чувствовала, как внутри разливается щемящая, почти материнская нежность.

Ловушка захлопнулась с глухим щелчком: теперь я была привязана не просто к красивому мужчине, я была привязана к его маленькой дочери...

После моих расспросов о любимых играх и еде Элис, он пропал. Прошло около трех мучительных дней, прежде чем экран WhatsApp наконец ожил. Всё это время я безумно переживала, но его новое сообщение принесло долгожданное, обманчивое облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.